

В. ПЕРЕТРУХИН,
кандидат филологических наук

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ МЕТОД ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ И ОСНОВЫ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЙ ИХ КЛАССИФИКАЦИИ

*Учебное пособие
по курсу „Введение в языкознание“
для студентов историко-филологических
факультетов педагогических институтов*

411705

Т Ю М Е Н Ь
1960

В этой небольшой по объему брошюре автор в популярной, доступной для студентов-первокурсников форме освещает один из самых сложных разделов курса «Введение в языкознание». В существующих учебных пособиях данный раздел программы изложен недостаточно глубоко и четко, а специальная литература слишком сложна для студентов.

Брошюра будет полезной также для учителей—словесников и историков.

І. СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ МЕТОД ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ

§ 1. Множество и разнообразие языков мира

По приблизительным данным, на земном шаре существует свыше двух с половиной тысяч самых разнообразных языков: языков больших и малых наций, языков народностей и мелких этнографических групп. Точного же подсчета количества языков, на которых говорило и говорит человечество, в науке до сих пор не произведено.

Это объясняется тем, что многие языки и, прежде всего, языки народов колониальных и зависимых стран, недостаточно изучены. Значительная часть таких языков все еще не подвергнута систематическому описанию и исследованию, часть языков изучена лишь поверхностно. В ряде случаев не определены границы между отдельными языками и их диалектами. Так, например, до сих пор научно не описаны и не систематизированы многие языки народов Океании, Индокитая, Африки и Южной Америки.

Низкий уровень лингвистической работы по языкам колониальных и зависимых стран является прямым следствием империалистического колониального гнета, в условиях которого вымирают целые народы и вместе с ними бесследно исчезают их языки. Буржуазная лингвистика, стоящая на службе у капиталистических монополий, занимается в основном лишь теми языками, изучение которых диктуется непосредственными интересами империалистических агрессоров.

Как велико количество и разнообразие языков мира, показывают следующие данные. По неполным сведениям, в 1924 году на американском материке насчитывалось около 125 совершенно различных индейских языков. Яркий пример многоязычия дают народы Индии. По статистическим данным 1926 года, в этой стране свыше 170 языков.

Велико количество языков, на которых говорят народы нашей страны. В Советском Союзе более 70 только письменных языков. На этих языках, многие из которых стали письменны-

ми лишь при советской власти, издаются книги и газеты, ведется радиовещание. Наряду с языками крупных социалистических наций в СССР существуют многочисленные языки мелких народностей и этнографических групп, которые в отношении культуры примыкают к более крупным народностям. В одном Дагестане, который уже в глубокой древности был назван «горой языков», насчитывается около 30 горских языков, часть которых распространена на очень небольшой территории (в пределах одного аула). Пять из этих языков являются ныне письменными: аварский, даргинский, лакский, лезгинский и табассаранский.

Понятно, что сложившееся на земном шаре множество языков не представляет собою беспорядочную, хаотическую массу. Даже не искушенный в лингвистике человек знает, что одни языки очень похожи друг на друга, а другие не имеют между собою ничего общего. Так, человек, знающий русский язык, легко понимает украинца и белоруса, довольно легко поймет он болгарина и серба, труднее будет понять ему чеха и поляка, и совершенно не поймет русский человек речь казаха, монгола, венгра, корейца и представителей многих других народов. Татарин сравнительно легко может объясниться с казахом, турком и тувинцем, но не найдет «общего языка» с немцем, китайцем или индусом.

Чем же объясняется множество и разнообразие языков мира? Почему одни языки очень похожи друг на друга, а другие различаются в такой степени, что носители их не могут понять друг друга?

§ 2. Зарождение сравнительно-исторического метода

Античные философы и мыслители имели смутное и очень ограниченное представление о многообразии языков, потому что признавали достойным изучения только свой язык. Все прочие языки греки и римляне называли «варварскими» и считали чужую речь нечленораздельным бормотанием.

Только в средние века, когда варвары разрушили некогда могущественную Римскую империю и на культурную арену вышли многие ранее неизвестные народы (кельты, германцы, славяне, турки и др.), вопрос о многообразии языков стал вполне очевидным. Однако научного решения этот вопрос в то время не получил и получить не мог. Средневековая наука, будучи верной служанкой богословия, при объяснении многообразия языков опиралась на библейскую легенду о вавилонском столпотворении. Согласно этой легенде, бог «смешал» языки людей, строивших Вавилонскую башню, и тем самым воспрепятствовал им проникнуть на небо. Вера в библейскую легенду дожила до XIX века.

Но уже в ту пору передовые ученые пытались понять и объяснить многообразие языков, опираясь на реальные данные. Толчком к постановке проблемы многообразия языков в научном плане были практические потребности новой эпохи — эпохи Возрождения. В эту эпоху возникла объективная потребность теоретически осмыслить состав и тип национального языка, его соотношения с литературными языками феодального средневековья, по-новому оценить античное наследие.

В поисках сырья и колониальных рынков представители молодых буржуазных государств отправлялись в кругосветные путешествия. Эпоха «великих путешествий и открытий» познакомила европейцев со многими языками туземцев Азии, Африки, Америки, Австралии и Океании.

Начинается период планомерной капиталистической колонизации, которая ставит своей целью беспощадную эксплуатацию туземного населения. А для этого нужно было общаться с туземцами, объясняться с ними, влиять на них через религию и другие средства экономического и духовного порабощения. Все это требовало изучения и сравнения языков. Так, различные практические потребности новой эпохи — эпохи зарождающегося капитализма — создавали почву для обследования и регистрации языков, составления словарей и грамматик. Первыми исследователями туземных языков были, как правило, миссионеры-монахи, которые посылались во вновь открытые и завоеванные страны; долгое время записи этих миссионеров были единственным источником сведений о языках туземцев.

Знакомясь с новыми языками, ученые давно заметили, что некоторые языки очень похожи друг на друга. Так, уже в средние века было обращено внимание на сходство между семитскими языками, на родство ирландского и валлийского языков. В XVII в. чешский ученый Ян Амос Коменский установил родство финского и венгерского языков. В XVI—XVII веках было установлено общее (латинское) происхождение романских языков.

К самому концу XVI века относится первая попытка сгруппировать языки Европы. Эта попытка была сделана Иосифом Юстусом Скалигером. Правильно установив некоторые группы языков, Скалигер, однако, не обнаружил родства между этими группами (например, между отдельными группами индоевропейских языков).

Несколько замечательных мыслей о классификации языков высказал немецкий ученый Лейбниц (1646—1716), но вместе с тем он сделал фантастическое предположение о родстве многих языков, в действительности очень далеких друг от друга.

Однако подлинно научное объяснение многообразия языков, их сходства и различия, стало возможно только в XIX ве-

ке, в связи с зарождением и развитием сравнительно-исторического языкознания, лишь с открытием так называемого сравнительно-исторического метода изучения языков.

Подлинная наука о языке могла возникнуть только при историческом подходе к явлениям языка. Выявление же истории языка (языков) возможно лишь на основе сопоставления и сравнения. «Сравнение, — писал А. Мейе, — вот единственное орудие, которым располагает языковед для построения истории языков. Наблюдению доступны лишь результаты изменений, а не сами изменения. Следовательно, за развитием языков можно проследить и следят лишь путем сопоставления результатов»¹.

В трудах классиков марксизма-ленинизма неоднократно подчеркивается это важнейшее в методологическом отношении положение. Так, Ф. Энгельс писал, что «...«материя и форма родного языка» становятся понятными лишь тогда, когда прослеживается его возникновение и постепенное развитие, а это невозможно, если оставлять без внимания, во-первых, его собственные омертвевшие формы и, во-вторых, родственные живые и мертвые языки»². В. И. Ленин учит, что к изучению каждого явления нужно подходить «с точки зрения научной, это — не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»³.

Сравнительно-исторический метод — это метод изучения истории языка на основе сопоставления фактов и явлений разных периодов его развития, на основе сравнения его с родственными живыми и мертвыми языками. Сравнительно-исторический метод — метод изучения истории родственных языков, средство объяснения наблюдаемых между языками отношений и различных явлений в самих данных языках.

Сравнение фактов разных языков делалось и раньше, однако для сравнения брались просто слова, подобранные иногда случайно. Это давало простор для произвольных выводов и обобщений: внешнее сходство сравниваемых слов служило поводом для ошибочных заключений о родстве соответствующих языков. Так, упомянутый выше ученый Лейбниц считал родственными греческий и грузинский языки, доказывая это наличием в грузинском языке слова «орган». На самом же

¹ А. Мейе. Сравнительный метод в историческом языкознании, М., 1954, стр. 18.

Ср. также: «Вообще, история языков создается лишь путем сравнения состояния языка в различные периоды» (там же) и «Из положения, что сравнительный метод дает возможность построить историю языков, следует также и то, что изолированный язык лишен истории» (стр. 19).

² Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1953, стр. 303.

³ В. И. Ленин. Соч., изд. 4-е, т. 29, стр. 436.

деле, это слово было заимствовано грузинским языком из греческого.

Гениальным предвосхищением многих положений сравнительно-исторического языкознания XIX века были идеи великого русского ученого М. В. Ломоносова (1711—1765), высказанные им в дошедших до нас черновых заметках к работе о сходстве языков. Эта работа была закончена Ломоносовым до 1755 г., но впоследствии была утрачена. В черновых набросках ее мы находим очень много ценных и плодотворных мыслей. Так, Ломоносов различал «сродственные» и «несродственные» языки. Он имел ясное представление о составе славянской группы языков и доказывал, что восточнославянские языки ближе к южным, чем к западным. Ломоносов установил родственные связи между славянскими и балтийскими языками и предположил общее их происхождение. В указанном наброске Ломоносов высказал идею родства индоевропейских языков и доказал ее на этимологически надежном материале числительных первого десятка. Правда, он использовал числительные лишь четырех индоевропейских языков: греческого, латинского, русского и немецкого; однако в ряде других сочинений М. В. Ломоносов говорит о близости славянских и балтийских языков, о сходстве славянских и иранских языков. Высказав мысль о происхождении «сродственных» языков из одного источника, Ломоносов отметил длительность процесса отделения современных индоевропейских языков от своего родоначальника и историческую последовательность в образовании отдельных языков.¹ Хотя в трудах М. В. Ломоносова мы находим лишь намеки на важность и плодотворность сравнительного и исторического изучения родственных языков и он не дал образцов применения сравнительно-исторического метода, все же значение Ломоносова в истории сравнительного языкознания велико. Он поставил задачу сравнительно-исторического изучения славянских и других индоевропейских языков.

Поворотным пунктом в сравнительном изучении языков было открытие санскрита—древнейшего литературного языка Индии. Хотя сходство индийских слов с латинскими и итальянскими отмечалось и раньше, но научных выводов из этого сделано не было. Только во второй половине XVIII века англичанин Вильям Джонс (1746—1794), изучив санскритские рукописи и познакомившись с современными индийскими языками, пришел к правильным, хотя и декларативным выводам, которые сводятся к следующему:

1) близкое родство санскрита, греческого и латинского языков как в корнях глаголов, так и в формах грамматики не может быть результатом случайности;

¹ См.: Н. С. Чемоданов. Сравнительное языкознание в России, Учпедгиз, 1956, стр. 3—7.

2) все они произошли из одного общего источника, который, быть может, больше не существует;

3) то же происхождение имели готский (германские), кельтский (кельтские) и древнеперсидский (иранские) языки.

В русской науке вопросу о родстве санскрита с европейскими языками было посвящено изданное в 1811 г. анонимное сочинение «О сходстве санскритского языка с русским». В этой работе на убедительных примерах (например, на сопоставлении санскр. «асми» и русск. «есмь», санскр. «аси» и русск. «еси» и т. п.) показывалось родство этих языков.

Так было положено начало сравнительно-историческому изучению языков, прежде всего, индоевропейских. Первые труды в области сравнительно-исторического языкознания были созданы независимо друг от друга. Основоположниками сравнительно-исторического метода изучения языков считаются датчанин Расмус Раск (1787-1832), немцы Франц Бопп (1791-1867) и Яков Гримм (1785-1863) и выдающийся русский лингвист Александр Христофорович Востоков (1781-1864). Эти ученые по-новому использовали метод сравнения, они сделали его средством выявления истории сравниваемых языков. При сравнении учитывалось не только соответствие слов и корней, но и соответствие материального оформления слов, т. е. грамматический инвентарь, а также наличие закономерных звуковых соответствий. Все это извлекло науку от случайностей и произвола в выводах.

Расмус-Кристиан Раск в своем труде «Исследование происхождения древнесеверского, или исландского, языка» (написан в 1814, издан в том же году на датском языке, на немецком языке в сокращенном переводе И. С. Фатера появился лишь в 1822 г.), подчеркивая, что лексические соответствия между языками являются ненадежными, доказал, какое большое значение имеет сравнение форм словоизменения, в частности, флексий, и установление так называемых звуковых соответствий.

Франц Бопп привлек для сравнения факты грамматического строя — систему спряжения основных глаголов. Его первая работа в этой области — «О системе спряжения санскритского языка в сравнении с системой спряжения греческого, латинского, персидского и германского языков» (1818). Сравнение не только корней слов, но и системы грамматических флексий имело большое методологическое значение. Эта система, обладая огромной устойчивостью, не может быть заимствована и потому служит надежной гарантией правильного понимания соотношений родственных языков. Несмотря на ряд неверных и ошибочных положений (признание санскрита индоевропейским «праязыком», включение в круг индоевропейских языков чуждых кавказских, малайских и других языков), этот труд Боппа сыграл в науке о языке ис-

ключительно большую роль. Позже Бопп написал и первую «Сравнительную грамматику индогерманских языков» (1833).

Яков Гримм в «Немецкой грамматике» (первый том, содержащий историческую фонетику германских диалектов, вышел в свет в 1819 г.) сформулировал первую историческую формулу звуковых изменений в германских языках.

В 1820 г. была опубликована знаменитая работа А. Х. Востокова «Рассуждение о славянском языке, служащее введением к грамматике сего языка, составляемой по древнейшим оного письменным памятникам». Она была одним из первых в мировой науке образцов применения сравнительно-исторического метода в языкознании. Это небольшое произведение создало Востокову европейскую известность и было оценено как выдающееся явление науки.

Едва ли Востокову были известны труды Раска и Боппа, но с первым томом «Немецкой грамматики» Гримма он был, несомненно, знаком, так как на эту книгу в «Рассуждении» имеется ссылка (в примечании 3). Вполне вероятно, что идеи Гримма оказали известное влияние на суждения Востокова. Однако Востоков далеко опережает Гримма в конкретных методологических и методических выводах.

Востоков занимался только славянскими языками и, прежде всего, старославянским языком. Он определил место этого языка среди других славянских языков, раскрыл звуковое значение юсов, показал, что сохранившиеся в польском и изменившиеся в русском языке носовые гласные представляют собою древнее явление, восходящее к праславянской эпохе. Востоков первым доказал необходимость сопоставления памятников мертвых языков с фактами живых языков и диалектов. На материале славянских языков Востоков показал, что представляют собою звуковые соответствия родственных языков (судьба *dj*, *tj*; полногласные и неполногласные формы и т. п.). Наконец, он высказал мысль о возможности восстановления системы праславянского языка путем сравнения сохранившихся славянских диалектов. Сравнительное языкознание обязано А. Х. Востокову первыми образцами мастерского применения сравнительно-исторического метода.¹

Названные выше ученые создали и научно обосновали понятие «родство языков», заложили научные основы сравнительно-исторического изучения языков. К середине XIX в. никто уже не сомневался в существовании родственных языков.

Последующие поколения лингвистов работают над усовершенствованием сравнительно-исторического метода. В сферу научного исследования вовлекаются все новые и новые группы языков.

¹ Подробнее см. в указ. выше работе Н. С. Чесоданова (стр. 7—11).

§ 3. Основания сравнительно-исторического метода

Каковы же те реальные основания, на которых базируется сравнительно-исторический метод изучения языков?

1. Звуковой комплекс, служащий названием предмета, не имеет постоянной и органической связи с природой называемого предмета. К. Маркс писал: «Название какой-либо вещи не имеет ничего общего с ее природой. Я решительно ничего не знаю о данном человеке, если знаю только, что его зовут Яковом»¹.

В самом деле, можем ли мы утверждать, что звуковой комплекс «к-о-н'» обозначает коня именно потому, что сама природа данного животного обуславливает этот звуковой комплекс? Можем ли мы утверждать, что данное животное может называться только словом «конь» и иначе назвать его нельзя? Такое утверждение было бы в корне ошибочным. Достаточно сказать, что даже в русском языке для обозначения указанного животного употребляется целый ряд слов: «конь»—«рысак»—«лошадь»—«кляча». С другой стороны, слово «конь» употребляется в русском языке не только для обозначения животного, но и для названия шахматной фигуры с изображением конской головы. Если бы название было связано органической связью с природой называемого предмета, то в языке не могло бы быть слов-синонимов и слов-омонимов, все слова были бы однозначны.

Принцип условности, или немотивированности, связи между звучанием и значением обуславливает применение сравнительно-исторического метода изучения языков. Так как звуковой комплекс, служащий названием, не обусловлен самой природой называемого предмета, то в разных языках один и тот же предмет называется по-разному, ср.: русск. «конь», татарское «ат», финск. «hevonen», таджикск. «асп», норвежск. «hest», литовск. «arklys», немецк. «Pferd» и т. д.

Не следует забывать, однако, что в каждом конкретном языке связь между звуковым комплексом и значением, между названием и называемым предметом, хотя и условна, но далеко не произвольна.² Мы не можем произвольно называть предметы. В каждом отдельном языке связь между словом-названием и называемым предметом (вообще понятием) традиционна, закреплена в процессе длительной общественно-трудовой практики говорящего на данном языке человеческого коллектива.

Итак, между звуковым комплексом и его значением, между словом-названием и называемым предметом органиче-

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, кн. I, Госполитиздат, 1955, стр. 107.

² Ср. замечание А. Мейе: «...В действительности языковой знак произволен: он имеет значение только в силу традиции» (ук. соч., стр. 12).

ской, постоянной связи нет. Отсюда следует сделать такой вывод: в разных языках один и тот же предмет может называться разными словами, одно и то же значение может и обычно выражается различными звуковыми комплексами. Условность, немотивированность связи между звучанием и значением и составляет первое реальное основание сравнительно-исторического метода.

2. Как же следует объяснять встречающиеся в различных языках слова, сходные по звучанию и одинаковые или близкие по значению? Как же нужно толковать те случаи, когда в разных языках одинаковые или близкие значения выражаются сходными звуковыми комплексами?

Так, например, во многих современных языках употребляются такие слова, как «революция», «демократия», «социализм», «студент», «доктор», «совет», «колхоз», «спутник» и многие другие.

Или сравните, например, такие слова:

Русск.	Ст.-слав.	Литовск.	Латинск.	Немецк.
мать (матери)	матѣ (матере)	<i>motė</i>	<i>māter</i>	<i>Mutter</i>
братъ	братъ (р)	<i>brōlis</i>	<i>frāter</i>	<i>Bruder</i>
ты	ти	<i>tū</i>	<i>tū</i>	<i>du</i>
два	дѣвъ	<i>dvi</i>	<i>duae</i>	<i>zwei</i>
есть	сѣтъ		<i>sunt</i>	<i>sind</i>
берутъ	берѣтъ		<i>ferunt</i>	<i>fairand</i> (<i>zomck</i>)

Понятно, что такие совпадения и соответствия не могут быть случайными. Они объясняются двумя основными причинами:

- 1) заимствованием слов и
- 2) общностью происхождения материально родственных форм и слов.

Известно, что грамматический инвентарь, система формообразовательных средств не заимствуется. Поэтому в тех случаях, когда налицо соответствие не только корней слов, но и формообразовательных элементов, о заимствовании говорить не приходится. Такие соответствия можно объяснить только общностью происхождения. Так, материальное родство приведенных в таблице слов обусловлено их происхождением из одного источника¹. Иначе объяснить этого нельзя,

¹ Генетическое родство этих слов наглядно подтверждается также наличием закономерных звуковых соответствий, о чем см. ниже.

так как в изолированных языках не могут возникнуть одинаковые слова (звуковые комплексы), объединенные единством значения.

Стало быть, материально родственные формы и слова (шире — языки), т. е. слова, сходные по звучанию и одинаковые или близкие по значению, восходят к одному источнику. *Материальное родство языков — результат общности их происхождения* — такова аксиома сравнительно-исторического языкознания. Это положение и составляет *второе* реальное основание сравнительно-исторического метода.

3. Третьим реальным основанием сравнительно-исторического метода является неравномерность темпов развития родственных языков.

Отдельные языки отличаются друг от друга темпами и характером развития. Так, некоторые языки на протяжении нескольких тысячелетий претерпевают весьма незначительные изменения в своем грамматическом строе и звуковой системе. Другие же языки дают примеры довольно существенных изменений в грамматическом и звуковом строе за каких-нибудь 700—800 лет своего развития. Одни языки оказываются более консервативными, более «архаическими» по своему звуковому или грамматическому строю, чем другие. Так, например, литовский язык по сравнению с русским языком сохранил более древний звуковой облик, ср.: лит. «ranka» — русск. «рука», лит. «rankam» — русск. «руку»; лит. «keturi» — русск. «четыре», лит. «kirmis» — русск. «червь», лит. «kaina» — русск. «цена» из «цЕна»¹ и т. п.

Следует, однако, заметить, что понятия «более архаичен» и «менее архаичен» в применении к различным языкам являются весьма относительными понятиями, так как каждый из языков, утрачивая одно, обычно сохраняет что-то другое. Русский язык, к примеру, утратил сложную систему форм прошедшего времени глагола и значительно упростил систему склонения имен существительных (вместо старых 9 типов склонения ныне существуют три основных типа). Болгарский же язык до сих пор сохраняет полностью сложную систему форм прошедшего времени глагола (аорист, имперфект, перфект и плюсквамперфект), но почти целиком утратил систему древнего склонения имен.

В результате неодинаковости темпов и самого характера развития родственных языков создается историческая перспектива. Благодаря этому мы и можем сравнивать родственные языки. Сравнивая материально родственные формы и слова разных языков, более изменившиеся и менее измени-

¹ В настоящей работе по техническим причинам буква «ять» передается через Е, юс малый — А, юс большой — Х; в текстуальных примерах не обозначается также долгота и краткость гласных.

шиеся, ученые и восстанавливают картину исторического развития родственных языков.

Так, сравнивая русск. «четыре» и «червь» с лит. «keturi» и «kirmis», нетрудно сделать вывод, что русск. Ч развилось из более древнего К перед гласным переднего ряда. Этот вывод подтверждается и показаниями самого русского языка, ср.: «пeКу—пeЧeшь», «тeК—тeЧь» и т. п. Если мы сравним: русск. «дым»—лит. «dūmai»—лат. «fūmus», русск. «ты»—лит. «tū»—лат. «tū», то придем к выводу, что русский звук Ы развился из более древнего звука ū (у долгого).

4. Четвертым реальным основанием сравнительно-исторического метода является наличие закономерных звуковых изменений.

Известно, что звуки в различных языках развиваются закономерно. Закономерные изменения звуков носят название фонетических законов, которые не допускают исключений, если действие этих законов не парализуется действием других фонетических законов или влиянием аналогии. Каждый язык и диалект имеет свои специфические фонетические законы. В силу этого один и тот же исходный звук может иметь в разных родственных языках различную судьбу. Иначе говоря, родственные языки могут иметь различные рефлексy одного и того же общего исходного звука. Отсюда между родственными языками существуют регулярные, закономерные звуковые соответствия. Проиллюстрируем это несколькими простейшими примерами:

Ст.-слав.	Русск.	Украинск.	Польск.
дѣдъ	дед	дід	<i>dziad</i>
дѣто	дето	діто	<i>-deto, но dzie</i>
дѣво	дес	діс	<i>-des, но dzie</i>
хлѣбъ	хлеб	хліс	<i>chleb</i>
смѣхъ	смех	смій	<i>smiech</i>
нѣмъ	нем	німій	<i>niemy</i>

На основании сравнения устанавливаем следующие регулярные, закономерные соответствия: ст.-слав. Е — русск. е — украинск. і — польск. а (перед твердыми зубными) и е (перед остальными согл.).

Сравним еще:

Латинский	Литовский	Русский
ā māter frāter	o motė brōlis	a матъ братъ
ō dōnum duō	uo duonis duo	a даръ два < дваа
ā āxis ācus	a asis astrūs	o осъ острый
ō ōvis ōcto	a avis aštuoni	o овца (овца) восемь (ст.-сл. оснь)

Из этой таблицы видно, что латинским долгим звукам *a* и *o* закономерно соответствуют литовские *o* и *uo* и русское *a*; латинским кратким *a* и *o* — литовское *a* и русское *o*.

Закономерные соответствия звуков в родственных языках устанавливаются путем сравнения. Исходным моментом для такого сравнения является известное совпадение или сходство. При этом на первых этапах сравнения естественно учитывают, прежде всего, смысловую, семантическую близость сравниваемых слов, т. е. идут от внутренней стороны слов, от их значения к внешней, звуковой стороне слов. Когда же звуковые соответствия уже в достаточной степени выявлены и установлены, они, в свою очередь, становятся отправной точкой для сопоставления тех или иных слов в изучаемых языках, слов, которые могут быть очень далекими по своему значению.¹

¹ Подробнее см. об этом: А. И. Смирницкий. Сравнительно-исторический метод и определение языкового родства, изд. МГУ, 1955, стр. 28—29 и 33—34.

Строжайший учет фонетических законов и порожденных ими звуковых соответствий позволяет сравнивать такие слова, которые внешне не имеют, казалось бы, ничего общего между собою. Например, русск. «узок» (из узъкъ < «Хзъкъ» < «онзъкъ» < «ong-ъкъ») ¹ и немецкое «eng»; русск. «два» (дъва) и лат. «duó» с арм. «egki» (два) ².

Вместе с тем такой учет избавляет от произвола в выборе сравниваемых слов и в выводах. Так, нельзя сравнивать норвежское «gate» (улица) с русским «гать» и санскритским «gati» (дорога, путь), так как древнее g перешло в норвежском языке в K (ср.: греческ. «güne» (женщина) и норвежск. «копа»); если учесть, что герм. b может соответствовать лат. (и романскому) f, например: лат. flos, floris³ — нем. blume, то окажется, что немецкое feuer не имеет никакого отношения к франц. «feu», как бы ни было обманчиво их внешнее и внутреннее сходство ⁴. Следовательно, сравнивать слова можно только на основе закономерных соответствий звуков, избегая того, что относится к заимствованиям.

Итак, сравнительно-исторический метод изучения языков базируется на следующих реальных, объективно существующих основаниях:

1) между звуковым комплексом и его значением, между словом-названием и называемым предметом нет органической, постоянной связи; это положение верно по отношению ко всем языкам и к языку вообще, хотя в каждом отдельном языке связь между словом-названием и называемым предметом закреплена в процессе длительной общественно-трудовой практики говорящего коллектива и освящена традицией;

2) материально родственные слова и формы (следовательно, и родственные языки) восходят к одному источнику;

3) родственные языки развиваются неравномерно, они отличаются друг от друга темпами и характером развития;

4) каждый язык и диалект имеет свои специфические фонетические законы, которые обуславливают регулярные, закономерные звуковые соответствия между родственными языками.

§ 4. Выбор лексики для сравнения

Родство языков проявляется в материальной общности лексики и грамматических элементов. Для того, чтобы установить родство языков, нужно их сравнить. Как же отыскиваются соответствующие друг другу слова разных языков? Для

¹ Звук з в слове «узок» появился, вероятно, по аналогии, ср.: «угол» (Хгль) и «с-узиль» (Хзити).

² Подробнее см. об этом в ук. выше соч. А. Мейе, стр. 14, 32—33.

³ Буквой ó условно передаем здесь долгий звук o.

⁴ См. там же, стр. 35.

сравнения, как уже отмечалось выше, нужно брать материально родственные слова, или, как говорят ученые, генетически тождественные слова, т. е. такие слова, которые близки по звучанию и одинаковы или сходны по значению.

Это значит, что нельзя брать для сравнения такие слова, которые совпадают по звуковой форме, но не имеют ничего общего в своем значении, например:

Русский	Болгарский
булка	булка («невеста, невестка»)
кучка	кучка («собака»)
майка	майка («мать»)
табак	табак («кожевник»)
печурка	печурка («шампиньон» — гриб)

Нельзя сравнивать также слова, одинаковые по значению, но не имеющие сходства в звуковом составе, разные по звучанию, например:

Русский	Болгарский
весна	прóлет («весна»)
дом	къща
комната	ста́я
лес	гора́
окно	прозо́рец
порох	бару́т

Нельзя сравнивать и такие международные слова, как «демократия», «социализм», «революция», «философия», «фабрика», «машина», «трактор», «советы», «спутник» и т. п.

Родственные языки восходят к одному источнику, они развились из диалектов одного и того же языка-основы, существование которого относится к глубокой древности. Поэтому для сравнения нужно брать такие слова, которые существовали в языке уже в те далекие времена. К таким словам относятся названия жизненно-необходимых понятий. Это имена родства, названия частей тела, названия некоторых животных и растений, древнейших орудий труда, трудовых процессов и продуктов труда, это некоторые местоимения и числительные первого десятка.

Так, например, языковое родство славянских наций ярко проявляется в материальной общности значительной части словарного состава их языков. (См. таблицу на стр. 17.)

Столь же яркое сходство обнаруживается и в грамматическом строе славянских языков, в системе падежных и личных окончаний (см. таблицу на стр. 18).

Ст. слав.	Болг.	Русск.	Чешск.	Польскій
мужъ	мѣѣ	муж	<i>muž</i>	<i>muż</i>
жена	жена	жена	<i>žena</i>	<i>żona</i>
сынъ	син	сын	<i>syn</i>	<i>syn</i>
дѣти	дѣщеря	дочь	<i>dcera</i>	<i>córka</i>
племя	племе	племя	<i>pleme</i>	<i>plemię</i>
глава	глава	голова	<i>hlava</i>	<i>głowa</i>
рука	ръка	рука	<i>ruka</i>	<i>ręka</i>
крава	крава	корова	<i>krava</i>	<i>krowa</i>
волкъ	вѣлк	волк	<i>vlk</i>	<i>wilk</i>
лукъ	лък	лук	<i>luk</i>	<i>łuk</i>
отрѣла	стрѣла	стрѣла	<i>střela</i>	<i>strzała</i>
зеленъ	зелѣн	зелен	<i>zelený</i>	<i>zielony</i>
желтъ	жѣлт	желтый	<i>žlutý</i>	<i>żółty</i>
малыи	малѣк	малый	<i>malý</i>	<i>mały</i>
лѣто	лѣто	лѣто	<i>léto</i>	<i>lato</i>
весна	(пробѣет)	весна	<i>vesna (jaro)</i>	<i>wiosna</i>
зима	зима	зима	<i>zima</i>	<i>zima</i>
солнце	солѣнце	солнце	<i>slunce</i>	<i>słońce</i>
звѣзда	звѣзди	звезда	<i>hvězda</i>	<i>gwiazda</i>
снѣгъ	снѣгъ	снѣгъ	<i>sníh</i>	<i>śnieg</i>
озеро	ѣзеро	озеро	<i>jezero</i>	<i>jeziro</i>
одинъ	один	один	<i>jeden</i>	<i>jeden</i>
пять	пѣт	пять	<i>pět</i>	<i>pieć</i>
оомъ	ѣсемъ	восемь	<i>osm</i>	<i>osiem</i>
десять	дѣсѣт	десять	<i>deset</i>	<i>dziesięć</i>
пити	пѣи ¹	пить	<i>píti</i>	<i>pić</i>
жити	живѣи	жить	<i>žíti</i>	<i>żyć</i>

¹ В современном болгарском языке инфинитив не сохранился, приводим формы I лица ед. числа настоящего времени.

Грам. формы	Ст.-слав.	Болг.	Русск.	Чешский	Польский
1 л. ед. г. наст. вр.	несѣ	неса́	несу	nesu	niesę
2 л. ед. г. наст. вр.	несеши	несѣш	несешь	neseš	niesiesz
2 л. мн. г. наст. вр.	несете	несете	несёте	nesete	niesiecie
3 л. мн. г. наст. вр.	несаѣтъ	неса́т	несут	nesou	niosą
Дат. пад. ед. г.	главѣ	—	голове	hlavě	głowie
Вин. пад. ед. г.	главѣ	—	голову	hlavu	głowę
Им. пад. мн. г.	главы	—	головы	hlavy	głowy
Род. пад. мн. г.	главъ	—	голов	hlav	głów
Дат. пад. мн. г.	главамъ	—	головам	hlavám	głowom
Твор. пад. мн. г.	главами	—	головами	hlavami	głowami
Предл. пад. мн. г.	главахъ	—	головах	hlavách	głowach

Если учесть звуковые и морфологические изменения, происшедшие в истории каждого славянского языка за последнее тысячелетие, то можно восстановить единые для всех славянских языков типы спряжения и склонения (кроме болгарского, утратившего склонение имен).

Славянские языки являют собою пример поразительного сходства в фонетике, лексике и грамматическом строе, и языковое родство славянских наций не вызывает сомнения.¹

Путем сравнения можно установить и более отдаленное родство языков. Так, ученые доказали родство большого количества языков, распространенных ныне на обширных территориях Европы и Азии. Приводимая ниже таблица дает наглядное представление о лексических соответствиях в этих так называемых индоевропейских языках.

Русский	Старо-славянский	Литовский	Санскрит	Древне-персидский	Греческий	Латинский	Готский	Немецкий
мать (матери)	мати (матери)	motė	mātār		māter	mater		Mutter
сестра	сестра	seser-	svāsar-			soror	swistar	Schwester
дочь	дъщерь	dukter-	duhitār		thygater		dauhtar	Tochter
две	дѣѣ	dvi	duvé	duva	dyo	duae	twal	zwei
сто	съто	simtas	catām	satām	hekatón	centum	hund	hundert
ты	ты	tū	tuvam	tuvam	ty	tū	ðu	du
я (язѣ)	азь		aghām			ego		ich
нос	носъ	nósis	nasa	nāham		nārēs		Nase
волк	вѣлкъ	vīlkas	vṛkah	vāhrko	lykos	vulpes- (ислица)	wulfs	Wolf

Для того, чтобы убедиться в большом сходстве форм флексий индоевропейских языков, достаточно сопоставить спряжение глагола «нести» в настоящем времени изъявительного наклонения действительного залога в некоторых древних языках этой обширной группы. (См. таблицу на стр. 20.)

Следовательно, сравнение древнейшего слоя словарного состава и грамматического строя индоевропейских языков наглядно показывает их материальное родство и позволяет возводить их к первоначальному единству—к единому языку-основе. Сходным образом устанавливается материальное родство тюркских, финно-угорских, монгольских и др. языков.

Итак, для установления родства языков сравниваются слова, восходящие к глубокой древности, к эпохе первоначальной.

¹ Подробнее об этом см.: Н. А. Кондрашов. Славянские языки, Учпедгиз, 1956, особ. I разд. «О языковом родстве славянских наций», стр. 3—14.

	Санскрит	Греческий	Латинск.	Готский	Ст.-слав.	Русский
1. ед. ч.	bhārami ¹ „несу“	phērō „несу“	ferō „несу“	baira ² „несу“	берѣ ³ „беру“ ⁴	беру
2. ед. ч.	bhāraṣi	phéreis	fers	bairis	береша	берёшь
3. ед. ч.	bhāraṭi	phérei	fert	bairiþ	береть	берет
1. мн. ч.	bhāramas	phéromen phéromes ⁵	ferimus	bairam	беремъ	берем
2. мн. ч.	bhāratas	phérete	fertis	bairiþ	берете	берёте
3. мн. ч.	bhāranti	phārūsi phéronti ⁵	ferunt	bairand	берѣть	берут

¹ Окончание *mi* санскрита появилось под влиянием другого типа спряжения.

² Готское *ai* перед *g* обозначает звук *e*.

³ Ст.-славянское *Х* развилось из сочетания *am* в конце слова.

⁴ В славянских языках этот корень приобрел другое значение.

⁵ Это формы дорического диалекта древнегреческого языка.

чального единства сравниваемых языков. При этом лексические соответствия в родственных языках подтверждаются материальной общностью их грамматического инвентаря и наличием регулярных, закономерных звуковых соответствий.

§ 5. Архетипы звуков и форм родственных языков.

Метод реконструкции архетипов.

Наличие материально родственных слов и форм в языках, развившихся из одного источника, позволяет гипотетически устанавливать их исходные формы, или архетипы. «Архетипы—это реконструкции первоначального облика слова или формы в пределах возможностей»¹. Одни архетипы могут быть более достоверными и истинными, другие—менее. Это зависит от количества и качества сравниваемого материала. Архетипы, или не засвидетельствованные памятниками и лишь гипотетически восстанавливаемые формы, принято отмечать особым значком — астериском (звездочкой*), который был введен в научный обиход А. Шлейхером.

Реконструкция формы (звука, слова) складывается из следующих моментов:

- 1) сопоставления материально родственных лексических единиц,
- 2) установления закономерных звуковых соответствий между их элементами,
- 3) установления хронологических соотношений между этими элементами (что является первичным и что вторичным),
- 4) восстановления исходной формы.

Реконструкция архетипов требует строжайшего учета фонетических законов и должна проводиться в определенной последовательности. Так, слово русского языка сравнивается со словами других славянских языков. На основе данных этого сравнения реконструируется общеславянский архетип. Общеславянский архетип сравнивается затем с архетипами языков других групп, сохранивших детали, утраченные славянскими языками в процессе их исторического развития. В результате такого сравнения восстанавливается индоевропейский архетип.

Представление о методе реконструкции архетипа может дать, например, восстановление общеславянского архетипа, к которому восходит русское слово «голова».

Сравнивая русск. «голова» с болгарск. «глава» и польск. «głowa»², устанавливаем следующие звуковые соотношения:

¹ В. А. Серебрянников. Сравнительно-исторический метод и критика так называемого четырехэлементного анализа Н. Я. Марра. — сб. «Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина», изд. МГУ, 1952, стр. 263.

² По техническим причинам польский твердый звук л передаем буквой l.

русск. «оло» — болгарск. «ла» — польск. «іо» между согласными. Это не случайное совпадение звукосоответствий, а закономерное, регулярное их соответствие, которое наблюдается во многих других словах. (Ср. русск. «голос», «золото» — болг. «глас», «злато» — польск. «głos», «złoto»).

Зная о законе открытых слогов, действовавшем в глубокой древности во всех славянских языках, мы делаем вывод, что русск. «оло», болг. «ла» и польск. «іо» восходят к единому исходному звукосочетанию — *ol (краткий гласный + плавный между согласными). Отсюда общеславянская форма слова — *golva¹.

Сравнивая русск. «ты» с болгарск. «ти», чешским и польским «ty», восстанавливаем общеславянский архетип *tŭ (ты). Общеславянский архетип путем сравнения с латинским «tū», немецким «du» и армянским «dú» возводим к индоевропейскому архетипу *tū (с долгим гласным).

Соблюдение такой последовательности в сравнении является обязательным, потому что оно отражает хронологическую последовательность образования различных родственных языков. Общий источник, лежащий в основе индоевропейских языков, существовал раньше общеславянского, общеславянский — раньше русского и т. д.

Приведем еще один пример восстановления индоевропейского архетипа.

Сравнивая русское слово «гость» с соответствующим словом других славянских языков, нетрудно восстановить общеславянский архетип *gostь. При сопоставлении славянского *gostь с латинским «hostis» (враг, чужестранец) и готским «gasts», устанавливаем следующие звуковые соответствия:

Славянский		Латинский	Готский
1/	g	h	g
2/	o	o	a
3/	ь	i	-
4/	-	s	s

¹ Правильность реконструированного общеславянского архетипа *golva подтверждается и данными других индоевропейских языков, ср., например, литовское «galva» (с кратким гласным «a» из более древнего краткого «o»).

Это не случайные совпадения звуков, а закономерные их соответствия, которые наблюдаются и в других словах. Так, закономерность соответствия ряда *g—h—g* подтверждается словами: русск. «гусь», слав. «гХсь» — лат. «hans-er» — готск. «gans», регулярность звуковых соответствий остальных трех рядов словами: слав. «нОштъ» — лат. «nOx, nOctIS» — готск. «pahts»; (ср. также слав. «огнь» и лат. «ignis»).

Естественно предположить, что славянское *g*, готское *g* и латинское *h* есть результат развития различных качественных элементов одного и того же древнего звука, который совмещал в себе и качество *g* и качество *h*. Таким исходным звуком мог быть только звук *gh* (*g* придыхательное). В славянских и германских языках (к последним относится и готский язык) этот звук утратил придыхание, а в латинском придыхание усилилось настолько, что поглотило основное качество звука¹.

Известно, что в германских языках индоевропейские краткие звуки *a* и *o* совпали в одном кратком звуке *a*. Поэтому исходным звуком в рассматриваемых словах следует признать краткое *o*.

Во всех индоевропейских языках падежные формы слов были трехморфемны (корень + основообразующий суффикс + окончание). Поэтому латинская форма «hostis» является более древней и близкой по своей структуре к исходной форме. В славянских языках краткое *i* дало «ь» (редуцированный переднего ряда). В готском *i* краткое выпало перед *s* (древнерунические надписи сохраняют это *i* в форме *gastiR*). Показатель падежа — конечный согласный *s* — сохранился в латинском и готском, но отпал по закону открытых слогов в общеславянском языке-основе.

Итак, реконструированная нами индоевропейская форма именительного падежа слова «гость» имеет вид *ghostis.

Реконструкция первоначального облика слов и форм — одно из средств проникновения в дописьменную историю родственных языков. Восстановив ту или иную исходную форму, можно проследить затем ее последующее развитие в различных родственных языках сообразно специфическим, внутренним законам их развития.

§ 6. Достоинства и недостатки

сравнительно-исторического метода изучения языков

Сравнительно-исторический метод, как отмечалось выше (см. § 2), есть метод изучения истории языка на основе сопоставления фактов и явлений разных периодов его развития, на основе сравнения его с родственными живыми и мертвыми языками.

¹. Такой же процесс наблюдался и в санскрите (древнеиндийском), ср.: санскритское «hānsāh» («гусь»).

Однако, строго говоря, сравнительно-исторический «метод» не есть метод в собственном смысле этого слова, всегда связанный с определенным научным мировоззрением (материалистическим или идеалистическим), с определенным пониманием основных законов развития природы и общества.

Сравнительно-исторический метод — это «система научно-исследовательских приемов, используемых при изучении родственных языков для восстановления картины исторического прошлого этих языков в целях раскрытия закономерностей их развития, начиная от языка-основы»¹.

Основная, главная задача языкознания — изучение внутренних законов развития языка. Развитие же языков по своим внутренним законам во многом определяется их генетическими, родственными связями. Поэтому без применения системы научно-исследовательских приемов, составляющих так называемый сравнительно-исторический метод, вообще невозможно никакое историческое языкознание. Вместе с тем эта система приемов не может ни сопоставляться с основным марксистским диалектическим методом, ни, тем более, противопоставляться ему. Следует четко различать область марксистско-ленинской методологии, единой для всех общественных наук, и область методики, специфической в каждой науке в зависимости от характера ее объекта.

Сравнительно-исторический метод дает возможность проникнуть в не засвидетельствованную письменными памятниками историю языков, обнаружить и в известных пределах восстановить некое первоначальное единство родственных языков, выявить специфические внутренние законы их последующего развития. Благодаря сравнительно-историческому методу, наука о языке уже в XIX веке достигла громадных успехов, по достоинству оцененных Ф. Энгельсом в его книге «*Анти-Дюринг*»².

Помимо этого, добытые при помощи сравнительно-исторического метода языковые данные имеют большое значение при изучении древнейших эпох истории народов.

При сравнении часто обнаруживается родство таких языков, носители которых отделены друг от друга громадными пространствами, а исторические памятники этих народов дают лишь самые скудные указания или вовсе молчат о древних исторических связях этих народов.

Так, оказывается, что цыганский язык находится в близком материальном родстве с языками далекой Индии и потому включается в группу новоиндийских языков. Это гово-

¹ «Вопросы сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков» — сб. статей, изд. АН СССР, М., 1956, стр. 58.

² См. Ф. Энгельс. *Анти-Дюринг*. Отдел третий, глава V, Госполитиздат, 1953, стр. 303—304.

рит о том, что цыгане, распространившиеся в своих кочевьях по различным странам Азии, Европы и даже Северной Африки, являются выходцами из древней Индии. При этом данные языка являются единственным бесспорным доказательством индийского происхождения цыган.

Русский язык, например, имеет ряд материально родственных элементов в словаре и грамматическом строе с хеттским языком, на котором говорил один из народов Малой Азии во втором тысячелетии до н.э. Этот факт не может быть случайным. Он говорит о том, что в глубокой древности между предками славян и хеттами существовали какие-то исторические связи.

Материальное родство индоевропейских языков, распространившихся на громадной территории Европы и Азии, является существенным фактором древнейшей истории народов-носителей этих языков, и это обстоятельство требует правильного истолкования.

На основе достигнутых сравнительно-историческим языкознанием успехов сравнение только двух слов иногда может дать богатый материал для многих выводов при изучении истории конкретных языков в связи с историей народов — носителей этих языков.

Так, сравнение старославянского слова *стѣна* с немецким *Stein* (камень)¹ позволяет сделать вывод, что древнейшее значение слова *стѣна* — «сооружение из камней». Данные сравнительной грамматики индоевропейских языков показывают, что основы на *a* некогда имели собирательное значение. Поэтому развитие значения слова *стѣна* можно представить так: *груда камней — сооружение из камней — стена дома или каменная ограда*. Древнее значение «камень» славянский корень «стѣн-» не сохранил, его мы восстанавливаем лишь из сравнения с родственными языками.

Данные этого лингвистического сравнения можно использовать для доказательства того, что предки славян некогда жили в такой местности, где существовал материал для каменных построек, а каменные постройки можно возводить лишь при более или менее оседлом образе жизни. Отсюда вывод: славяне или предки славян принадлежат к числу наиболее древних оседлых народов.

Немецкое же слово *Wand* («стена») восходит к глаголу *winden* («плести, вить»). Отсюда древнейшее значение слова *Wand* — «плетенка; сплетенная, вероятно, из веток стенка шалаша или хижины». В значении этого слова ярко отражаются

1. Эти слова находятся в закономерных звуковых соотношениях, ср. также готское *stains*.

условия жизни древнегерманских племен в лесистых местностях, при отсутствии твердой оседлости. Ф. Энгельс в работе «К истории древних германцев» приводит свидетельство одного ученого о том, что германские племена легко снимались со своих мест, благодаря примитивности своего образа жизни, и жили в хижинах, «которые каждый день строили». Ф. Энгельс указывает на существование подсечной системы земледелия у древних германцев. А эта система требовала постоянных передвижений с места на место. Факты языка убедительно подтверждают предположение о том, что древние германцы были народом кочевым и воинственным.

Так история языка тесно переплетается с историей его носителя, с историей народа.

Сравнительно-исторический метод, несмотря на его несомненные достоинства, имеет целый ряд существенных недостатков, среди которых отметим следующие:

1. Сравнительно-исторический метод оказывается малоэффективным при изучении так называемых изолированных языков (китайский, японский и некоторые другие), то есть таких, которые не имеют родственных языков.

2. При помощи сравнительно-исторического метода в лучшем случае можно реконструировать фонетический и морфемный состав языка-основы эпохи, непосредственно предшествующей обособлению отдельных языковых групп. Однако сравнительно-исторический метод не дал положительных результатов при решении задач сравнительно-исторической лексикологии и сравнительно-исторического синтаксиса.

3. Сравнительно-исторический метод часто оперирует далеко не равноценными данными. Так, древнегреческие памятники VII в. до н. э., старославянские памятники IX века н. э. и древнейшие литовские памятники, сохранившиеся лишь с XVI века, представляют чрезвычайно разрозненный в хронологическом отношении материал. Поэтому мы не можем установить тех изменений, которые происходили в незасвидетельствованные памятниками периоды развития языков. Известно, например, что звук «с» в слове «сердце» исторически восходит к древнему «к» переднего ряда. Однако сопоставление русского слова «сердце» с греческим «kardia» или латинским «cor» (равно, как и русского «десять» и латинского «decem» из «dekem») не дает возможности выявить промежуточные ступени перехода «к» в «с».

В силу этого реконструируемые при помощи сравнительно-исторического метода исходные формы имеют «плоскостной» и прямолинейный характер. При наличии хронологически пестрого и неравноценного материала нельзя восстано-

вить ни живой системы языка-основы в ее целостности, ни строгой картины последующего развития языков¹.

4. Возможности применения сравнительно-исторического метода при изучении различных групп родственных языков далеко не одинаковы. Эти возможности зависят от количества материально родственных черт внутри той или иной группы языков. Так, в индоевропейских языках общих черт меньше, чем в семитских и тюркских, а в финно-угорских языках — еще меньше, чем в индоевропейских. Наибольших результатов при помощи сравнительно-исторического метода ученые достигли в изучении языков индоевропейских.

5. При помощи сравнительно-исторического метода можно возвести реально существующие между родственными языками различия к единому источнику, но нельзя выявить те различия между родственными языками, которые существовали в прошлом, а позже были утрачены. При помощи этого метода невозможно установить параллельных процессов, возникающих в родственных языках в значительной степени независимо друг от друга. Этот метод оказывается бессильным при изучении таких изменений, которые возникли в результате сближения, интеграции языков.

Отмеченные недостатки не дают основания отвергать и третировать сравнительно-исторический метод как «идеалистический», потому что он, несмотря на его несовершенство, «толкает к работе, к изучению языков»².

Дальнейшее развитие и совершенствование сравнительно-исторического метода — одна из важнейших задач советского языкознания. Эта работа должна идти как по линии усовершенствования традиционных приемов, так и по линии введения в научную практику новых приемов³.

¹ Многие западноевропейские лингвисты слишком упрощенно решали вопрос о происхождении родственных языков из одного источника. Крупнейший немецкий ученый Август Шлейхер, например, представлял себе образование и развитие индоевропейских языков как результат простого расщепления единого индоевропейского праязыка, который Шлейхер «восстановил» и даже написал на этом языке басню «Овца и кони» (См. эту басню и ее перевод в Хрестоматии по истории языкознания XIX—XX веков. Составитель—В. А. Звегинцев, Учпедгиз, 1956, стр. 104).

Восстановить язык-основу можно лишь при наличии достоверных данных. Так, можно, например, восстановить древнерусский язык-основу, из диалектов которого развились современные русский, украинский и белорусский языки.

² И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, 1952, стр. 33.

³ Подробнее см. об этом в сб. «Вопросы методики сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков», изд. АН СССР, 1956, стр. 68—86.

II. ОСНОВЫ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ЯЗЫКОВ

§ 1. Принципы генеалогической классификации

Классификация языков — это распределение языков по группам, выделяемым на основе определенных признаков. В науке о языке есть несколько типов классификации.

Генеалогическая классификация группирует языки по их материальному родству. Иначе говоря, генеалогическая классификация языков — это группировка языков по общности происхождения.

Генеалогическая классификация закрепляет достижения сравнительно-исторического изучения языков. Генеалогическая классификация — классификация *историческая*. Она исходит из неоспоримого факта общего происхождения родственных языков из некоего единого источника. Пути образования группы родственных языков из первоначального единства объясняются историей носителей этих языков. Родство языков характеризует исторические взаимоотношения не только самих языков, но и их носителей.

Однако нельзя смешивать генеалогическую классификацию языков по происхождению и антропологическую классификацию людей по расовым признакам¹. Раса и язык не связаны друг с другом. Отсутствие связи между антропологической классификацией людей и родством языков можно показать на многих примерах. Родство языков не обусловлено принадлежностью людей, говорящих на этих языках, к одной расе или антропологическому типу. Наоборот, группы людей, относящиеся к одной расе или антропологическому типу, говорят, как правило, на разных языках, не являющихся родственными. Так, новоеврейский язык, или идиш, входит в западногерманскую группу языков и очень близок к немецкому

¹. Антропология (от греч. «антропос» — человек и «логос» — учение) — наука о человеке. Антропология делит людей на расы — большие группы, объединенные общностью происхождения и различных наследственных признаков: строения тела, формы волос, пигментации кожи, волос, глаз и т. д.

языку, однако евреи относятся к семитской расе, а немцы — к североευропейской (светловолосой). Народы кавказской расы, например, говорят на совершенно различных по происхождению языках: индоевропейских, семитских, иберийско-кавказских и др.

В силу этого понятия «арийская раса», «семитская раса», «тюркская раса» и т. п. совершенно не научны и употребляются лишь идеологами и сторонниками реакционной расовой теории.

Генеалогическая классификация не лишена ряда существенных недостатков, обусловленных, в основном, отсутствием необходимых сведений о целом ряде языков. Принципы классификации родственных языков и вопросы образования больших групп родственных языков изучались, главным образом, на материале индоевропейских языков. Поэтому группировка этих языков в настоящее время является наиболее четкой и стройной, хотя и здесь имеются отдельные пробелы. Так, например, до сих пор недостаточно выяснены взаимоотношения славянских и балтийских языков. Что же касается других больших групп родственных языков, то они изучены в гораздо меньшей степени (семитские, тюркские, финно-угорские и другие языки). Отсюда классификация языков внутри этих больших групп разработана слабо.

Дальнейшее развитие сравнительно-исторического языкознания и детальная разработка и уточнение генеалогической классификации — ответственная задача советской науки о языке.

§ 2. Основные понятия генеалогической классификации языков («семья», «язык-основа», «ветвь», «группа»)

Группируя языки по их материальному родству, генеалогическая классификация оперирует понятиями «семья», «ветвь», «группа». Термины «родство» языков, «семья», «ветвь» и некоторые другие привнесены в языкознание представителями натуралистического, биологического направления (А. Шлейхер и др.). Надо помнить, что эти термины в современной науке о языке употребляются условно, потому что родство языков — явление историческое, а не биологическое.

Семья — самая крупная группировка родственных языков. Языки одной семьи развились из диалектов некогда существовавшего общего языка, который принято называть языком-основой¹.

¹. Термин «язык-основа» в советском языкознании употребляется вместо ставшего одиозным термина «праязык», с которым связаны упрощенное понимание процесса образования родственных языков из первоначального общего языка и неисторический подход к реконструкции этого языка.

Диалектное разделение языка-основы полностью обусловлено социально-историческими причинами и является результатом обособления частей человеческого коллектива, общества — носителя данного языка. Попадая в различные общественные условия и утрачивая связь друг с другом, диалекты языка-основы в результате длительного и постепенного развития вырабатывают свои особенности и в конце концов превращаются в самостоятельные языки.

Образование семей языков, как правило, относится к глубокой древности, потому что самые благоприятные условия для возникновения родственных языков были в первобытном родовом обществе, где основным процессом был «процесс новообразования племен и диалектов путем разделения»¹.

«Постоянная тенденция к разделению,—писал К. Маркс,—коренилась в элементах родовой организации; она усиливалась тенденцией к образованию различия в языке, неизбежной при их (т. е. диких и варварских племен) общественном состоянии и общирности занимаемой ими территории. Хотя устная речь замечательно устойчива по своему лексическому составу и еще устойчивее по своим грамматическим формам, но она не может оставаться неизменной. Локальное разобщение — в пространстве — вело с течением времени к появлению различий в языке; это приводило к обособлению интересов и к полной самостоятельности»².

Родственные языки образовались в процессе сложной эволюции языка-основы в различных общественно-исторических условиях. Однако не следует думать, как это делали представители старого сравнительно-исторического языкознания, что каждый из родственных языков есть результат непосредственного развития какого-либо определенного диалекта языка-основы, так как выделение родственных языков из языка-основы является чрезвычайно сложным процессом. При этом языки могли не только распадаться, но и смешиваться, сливаться, скрещиваться, вновь распадаться и т. д. Даже при наличии большого фактического материала можно воссоздать лишь весьма приблизительную и очень общую картину обособления родственных языков от единого языка-основы.

Поэтому все попытки изобразить распадение какого-либо языка-основы в виде так называемого «генеалогического древа языков» являются бесплодными и представляют собою пережиток старой натуралистической концепции языка. Даже известная «теория волн», которую выдвинул в 1872 г. немецкий ученый И. Шмидт, является односторонней и не отражает всей сложности процесса образования родственных языков.

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1950, стр. 93.

² К. Маркс. Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество», Архив Маркса и Энгельса, IX, 1941, стр. 79.

Каждая из семей родственных языков восходит к своему языку-основе. Единого всеобщего языка-основы, из которого развились бы все многочисленные языки мира, не было, и советское языкознание не признает существования такого языка в прошлом.

Современная наука о языке насчитывает свыше 20 языковых семей. Не все они в равной степени изучены, состав некоторых из них до сих пор еще окончательно не определен. Выделяют индоевропейскую, финно-угорскую, тюркскую, монгольскую, тунгусо-маньчжурскую, семитскую, хамитскую, тибето-китайскую, дравидскую, малайско-полинезийскую и другие семьи родственных языков. Особое положение среди языков мира занимают языки-одиночки: баскский, корейский, японский и некоторые другие.

Большие семьи языков распадаются на ветви, объединяющие более близкие по своему материальному родству языки. Так, например, в состав обширной индоевропейской семьи языков входят следующие 12 ветвей, некоторые из которых представлены только одним языком:

1. *Индийская* (хинди, бенгали, бихари и другие живые индийские языки, а также цыганский язык и ряд мертвых языков, в том числе санскрит) — около 220 млн. носителей.

2. *Иранская* (персидский, афганский, таджикский, осетинский и другие живые языки, а также мертвые: авестийский, скифский) — около 20 млн. носителей.

3. *Армянская* (армянский язык) — 2,5 млн. носителей.

4. *Славянская* — около 185 млн. носителей.

5. *Балтийская* (литовский, латышский и мертвый древнепрусский) — около 4 млн. носителей.

6. *Германская* (немецкий, английский, голландский, фризский, новоеврейский; датский, шведский и норвежский с исландским; мертвые языки ост- и вест-готов) — около 200 млн. носителей.

7. *Романская* (французский, испанский, португальский, итальянский, румынский, молдавский, рето-романский, мертвый латинский и другие живые и мертвые языки) — около 245 млн. носителей.

8. *Кельтская* (ирландский, шотландский, бретонский, уэльский, или валлийский, мертвый галльский и др.) — около 3 млн. носителей.

9. *Греческая* (новогреческий и мертвый древнегреческий) — около 8 млн. носителей.

10. *Албанская* (албанский язык) — около 1 млн. носителей.

11. *Хеттская* (несколько мертвых языков Малой Азии).

12. *Тохарская* (два мертвых языка Западного Китая).

Большие ветви родственных языков, в свою очередь, могут состоять из нескольких групп, объединяющих языки с ярко вы-

раженным генетическим тождеством лексики, грамматического строя и звуковой системы. Славянская ветвь индоевропейской семьи языков состоит, например, из трех групп: восточной, западной и южной. Ниже дается краткая характеристика состава этих групп.

А. Восточнославянская группа

Языки этой группы развились из диалектов единого языка восточнославянской народности — языка древнерусского, имевшего давнюю письменную традицию (древнейший памятник — надпись на сосуде первой четверти X века, обнаруженная в Гнездове в 1950 году). На древнерусском языке создан целый ряд замечательных памятников, среди которых первое место по праву занимает всемирно известное «Слово о полку Игореве».

В дальнейшем, в связи с историческими судьбами восточнославянских народов, вошедших в состав различных государственных объединений, из диалектов древнерусского языка развились три самостоятельных языка:

1. *Русский язык* — один из важнейших мировых языков (свыше 100 млн. носителей), средство межнационального общения народов СССР. Письменность на основе русского алфавита, переработанного из славянского алфавита «кириллицы» при Петре Первом. Русский литературный язык сложился на основе переходных говоров Москвы и значительно обогатился за счет церковнославянского языка и различных иноязычных элементов.

2. *Украинский язык* (около 35 млн. носителей) — государственный язык Украинской ССР, распространен также на Северном Кавказе, в Сибири и Казахстане; литературный язык сложился на основе полтавско-киевских диалектов в XVI—XVII вв., письменность на основе русского алфавита.

3. *Белорусский язык* (около 9 млн. носителей) — государственный язык Белорусской ССР; письменность на основе русского алфавита.

Б. Западнославянская группа

1. *Польский язык* (27 млн. носителей), письменность на основе латинского алфавита, древнейшие письменные памятники с XIV века.

2. *Чешский язык* (9 млн. носителей), письменность на основе латинского алфавита, древнейшие памятники с XIII века.

3. *Словацкий язык* (3 млн. носителей), письменность на основе латинского алфавита; в качестве литературного языка стал выступать только в конце XVIII — начале XIX вв.

4. *Кашубский язык* (150 тыс. носителей), близок к польскому.

5. *Серболужицкий язык* (более 100 тыс. носителей на территории Германской Демократической Республики, по реке Шпрее), письменность на основе латинского алфавита.

6. *Полабский язык* (вымер в XVIII веке, был распространен по обоим берегам реки Лабы, т. е. Эльбы, в Германии).

7. *Поморские диалекты* (вымерли в средние века в результате насильственного онемечения их носителей, живших на южном побережье Балтийского моря).

Г. Южнославянская группа

1. *Болгарский язык* (около 7 млн. носителей в Болгарии, а также некоторых районах Югославии, Молдавии и Украины), письменность на основе русского алфавита, древнейшие памятники относятся к X веку.

2. *Сербо-хорватский язык* (свыше 10 млн. носителей в Югославии), у сербов письменность на основе русского алфавита, у хорватов — на основе латинского; древнейшие памятники с XI века.

3. *Словенский язык* (около 1,5 млн. носителей в Югославии, Италии и Придунайской Австрии), письменность на основе латинского алфавита, древнейшие памятники с X—XI вв.

4. *Македонский язык* (свыше 1 млн. носителей в Югославии, Болгарии и Греции).

5. *Старославянский язык* (мертвый язык, который был общим литературным языком славянских народов в X—XI вв.).

Как уже сказано выше, языковое родство славянских наций проявляется очень ярко и не вызывает сомнений. Славянское сравнительно-историческое языкознание зародилось давно, у истоков его стоят А. Х. Востоков и чешский ученый Иосиф Добровский. Исключительно большой вклад в развитие славянского языкознания внесли русские ученые (Ф. И. Буслаев, А. А. Потебня, А. А. Шахматов и др.).

Характер и объем данного пособия избавляет нас от необходимости перечислять все многочисленные семьи и группы родственных языков¹. Для раскрытия основ генеалогической классификации мы взяли лишь индоевропейскую языковую семью и ее славянскую ветвь, потому что в нашей республике студенты историко-филологических факультетов педагогических вузов имеют дело с языками именно этой семьи.

§ 3. Лингвистическая карта мира

Территориальное расположение семей и групп родственных языков можно изобразить графически.

¹ Характеристику состава других языковых семей см. у В. В. Иванова (Генеалогическая классификация языков и понятие языкового родства, МУ, 1954, стр. 20—53) и А. А. Реформатского (Введение в языковедение, Учпедгиз, 1955, § 78, стр. 320—338).

Лингвистическая карта мира, или карта языков мира, фиксирует современное распространение и соотношение родственных языков, однако не показывает, как исторически сложилось это соотношение¹.

Следует заметить, что материальное родство языков далеко не всегда определяется географической близостью их носителей. Так, например, венгерский язык находится в окружении индоевропейских языков (славянских и романских), однако сам относится к финно-угорской семье. Языки самых различных семей: индоевропейской, финно-угорской, тюркской, монгольской, тунгусо-маньчжурской и др.—распространены на территории Советского Союза.

Географические границы того или иного языка исторически очень подвижны. Сложившись в одном месте, язык может иногда в силу определенных исторических причин получить весьма широкое распространение в совершенно другом месте. Так, испанский язык, образовавшийся путем скрещивания народной латыни с языками туземного населения римской провинции Иберии, в результате захватнических и грабительских войн испанских конквистадоров стал родным языком для огромного населения бывших испанских колоний, расположенных, главным образом, в Южной и Центральной Америке. И ныне на испанском языке говорит свыше 100 млн. человек, из них в самой Испании — лишь около 16 миллионов.

¹ См. лингвистические карты в «Б. С. Э.», изд. 2, т. 49. Взятая отсюда карта «Языки мира» дается в приложении к учебному пособию Р. А. Будагова «Введение в науку о языке», Учпедгиз, 1958.

ЛИТЕРАТУРА

Основная:

1. К. Маркс. Капитал, т. 1, кн. I, Госполитиздат, 1955, стр. 107.
2. Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Отдел третий, глава V, Госполитиздат, 1953, стр. 303—304.
3. И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 33—34.
4. Р. А. Будагов. Введение в науку о языке, Учпедгиз, 1958, глава V, раздел 2, стр. 357—375.
5. А. А. Реформатский. Введение в языкознание, Учпедгиз, 1955, §§ 74—78, стр. 298—338.
6. Б. А. Серебренников. Сравнительно-исторический метод и критика так называемого четырехэлементного анализа Н. Я. Марра. — Сб. «Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина», изд. МГУ, 1952, стр. 245—278.
7. А. С. Чикобава. Введение в языкознание, Учпедгиз, 1952, § 66.

Дополнительная:

1. Л. А. Булаховский. Введение в языкознание, ч. II, Учпедгиз, 1953, § 70.
 2. А. В. Десницкая. Сравнительно-исторический метод и изучение истории языка. — «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», т. X, вып. 4, М.-Л., 1951.
 3. В. В. Иванов. Генеалогическая классификация языков и понятие языкового родства, изд. МГУ, 1954.
 4. А. Мейе. Сравнительный метод в языкознании, перевод с франц., изд. ИЛ, М., 1954 (особенно разделы I, II и III).
 5. А. И. Смирницкий. Сравнительно-исторический метод и определение языкового родства, изд. МГУ, 1955.
-

СОДЕРЖАНИЕ:

I. Сравнительно-исторический метод изучения языков

§1. Множество и разнообразие языков мира	3
§2. Зарождение сравнительно-исторического метода	4
§3. Основания сравнительно-исторического метода	10
§4. Выбор лексики для сравнения	15
§5. Архетипы звуков и форм родственных языков. Метод реконструкции архетипов	21
§6. Достоинства и недостатки сравнительно-исторического метода изучения языков	23

II. Основы генеалогической классификации языков

§1. Принципы генеалогической классификации	28
§2. Основные понятия генеалогической классификации языков («семья», «язык-основа», «ветвь», «группа»)	29
§3. Лингвистическая карта мира	33

В. Н. Перетрухин

Сравнительно-исторический метод изучения языков и основы
генеалогической их классификации

Редактор Е. Ф. Данилина. Техн. редактор Л. Т. Овечкин.
Корректор Р. Г. Солодкина.

Подписано к печати 23/IX-60 г. Формат бум. 60х92¹/₁₆.
2,25 печ. листа. 2,2 уч.-изд. листа. Тираж 1500 экз.
РД 02242. Заказ 9315. Цена 90 коп.

Тюменское книжное издательство.
Типография № 1, Тюмень, Первомайская, 11.